

никакого отношенія къ тѣлу — это разрушеніе союза любви, духовная измѣна. И къ современнымъ нашимъ разводамъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ къ ветхозавѣтнымъ примѣнимо слово Христа о ж е с т о к о с е р д і и.

Сердце современнаго человѣка огрубѣло, нравы ожесточились, охладѣла любовь, усилились эгоизмъ и чувственность — и вотъ причины забвенія истиннаго смысла брака, который долженъ служить не угожденію плоти, а преодоленію ея грѣховной тяжести, не эгоизму, а самоотверженію, не эксплуатаціи другъ друга, а взаимному сотрудничеству. Вступая въ бракъ, молодые люди часто ищутъ безоблачнаго счастья, а находятъ скорбь, ищутъ наслажденія плоти, а находятъ болѣзни и униженія, ищутъ другъ въ другѣ идеальныхъ людей, а находятъ обычныхъ слабыхъ людей съ множествомъ недостатковъ. Тогда взаимное очарованіе скоро исчезаетъ и люди уже ищутъ способа избавиться другъ отъ друга, становясь непримиримыми врагами. Другой разъ люди «предусмотрительные», вступая въ бракъ, «честно» говорятъ другъ другу: «поживемъ вмѣстѣ и увидимъ насколько мы подходимъ другъ ко другу. Если нѣтъ, то разойдемся» Но, конечно, они непре-

мѣнно разойдутся, потому что слово «если» — самый сильный ядъ для творческой жизни человѣка. Разъ у людей нѣтъ изначально твердаго рѣшенія, то каждая мелочь въ жизни можетъ служить поводомъ къ разладу. Но для христіанина въ бракѣ не должно быть никакихъ разочарованій, потому что бракъ для него есть не «дорожка, усыпанная розами», а тяжелый и радостный путь спасенія, мученическій путь въ царствіе Божіе. И каковы бы ни были трудности въ жизни, все онѣ преодолеваются любовью и общей молитвой къ Богу. И быть можетъ, болѣе, чѣмъ къ кому бы то ни было, какъ къ мужу и женѣ, должны быть отнесены слова Спасителя: «Если двое на землѣ согласятся просить о всякомъ дѣлѣ, чего бы ни просили, — будетъ дано имъ отъ Отца Моего Небеснаго»..

И дѣйствительно, чувствуется, что при соединеніи двухъ жизней въ Богѣ, какъ при ударѣ двухъ горючихъ камней, долженъ неизбежно воспламениться тотъ Божественный огонь любви, который творить и преобразуетъ жизнь для вѣчности. Будемъ бороться за торжество христіанскаго брака.

Діаконъ Др. Л. Липеровскій

Этюды о Русской Kulturѣ.

Этюдъ У. (Продолженіе).

Преп. Серафимъ Саровскій и Н. Ѳ. Ѳедоровъ.

Н. Ѳ. Ѳедоровъ - пророкъ. И въ этомъ основной смыслъ его явленія на вершинѣ русской культуры.

Кто такой пророкъ? И что такое пророческій духъ?

Трудно представить себѣ что-либо болѣе ложное, чѣмъ пониманіе пророка въ качествѣ только ясновидца, медиума предвещающихъ будущее видѣній. Такая точка зрѣнія недостаточна, въ значи-

тельной степени ложна и даже кощунственна. Пророчество не есть предзрѣніе будущаго, хотя этотъ моментъ иногда и входитъ въ пророческое служеніе, сопутствуетъ ему. Это великолѣпно и тонко понялъ Пауль Тиллихъ — корифей современнаго «религіознаго социализма» въ Германіи. Ибо въ ясновидѣніи, въ предзрѣніи будущаго, есть черты сильнѣйшаго натурализма, это явленіе, хотя и мета-

психического, но все же естественнаго порядка; оно можетъ быть даже демоническимъ. Демонизмъ и натурализмъ великолѣпно уживаются вмѣстѣ. И тотъ, и другой лишены моральнаго содержанія, моральной силы и паѳоса, лишены подлинно творческаго дерзанія и дѣйственной, сознающей свое призваніе и свою отвѣтственность, силы. Короче говоря, здѣсь душа, а пророчество — это духъ. Ясно-видецъ — медіумъ лишень свободы, лишень дѣйствія и лишень свободы дѣйствія. Онъ — психическій автоматъ. И здѣсь нѣтъ мѣста приложенію Духу Божественнаго Провидѣнія. Ибо Духъ Божій это, прежде всего, — творчество, свобода, творческая свобода. И пророкъ есть свободный глашатай судебъ Божіихъ, глашатай, слившій свою волю съ волей Божіей, онъ — человѣкъ, узрѣвшій правду Божію и страстно желающій ея свершенія, какъ бы оно ни было ужасно. Символь пророчества — третье прошеніе Молитвы Господней: — Да будетъ воля Твоя.

Пророкъ можетъ быть, и часто бываетъ, активнымъ свершителемъ судебъ Божіихъ, онъ является ихъ одушевленнымъ и свободнымъ орудіемъ. Таковы Моисей, Судьи Израилевы, Цари Израилевы (Давидъ и Соломонъ), Илія, Даніиль и др.

Огненное слово Исаи, Іереміи, Іезекіиля и другихъ пророковъ жгло міръ и зажигало въ немъ иное бытіе. Пророкъ — «иной» міру, онъ «инокъ» въ самомъ возвышенномъ и таинственномъ смыслѣ, да и само истинное иночество есть пророческое явленіе, жгущее міръ и потому ненавидимое міромъ.

—«Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; а такъ какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ» (Іоан. 15,19).

Самое трудное призваніе — пророческое. Свободно подчинить свое «малое», «слишкомъ человѣческое» «я» съ его ма-

лой, почти кажущейся свободой, пойти въ міръ съ эсхатологическимъ огнемъ на устахъ и въ сердцѣ, съ мечемъ воина и — страшно выговорить — съ сѣкирой палача — это ли не ужасъ, это ли не мука? И Самъ пророкъ всѣхъ пророковъ и исполненіе голосовъ пророческихъ Господь Іисусъ Христосъ говоритъ: «Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся» (Лук. 12,49).

Высшую мѣру томленія предварающаго и сопровождающаго подчиненіе своей свободы свободѣ Божественной и своего «я» «Я» Божественному показала Геэсиманская ночь. Раскрылся пророческій ужасъ двухъ природъ и двухъ волей въ таинственной правдѣ Богочеловѣчества. Эта страшная правда стоила Сыну Человѣческому кроваваго пота и смертной скорби. Мощный духъ пророка-человѣка не выдерживалъ подчасъ ея томленія, и на весь міръ раздавалась жалоба Іова на свой жребій и проклятіе себѣ. Гимнъ переходитъ въ проклятіе и проклятіе въ гимнъ. «Ты влекъ меня, Господи, — и я увлеченъ; Ты сильнѣе меня — и превозмогъ, и я каждый день въ посмѣяніи, всякій издѣвается надо мною. Ибо лишь только начну говорить я, — кричу о насилии, вопію о разореніи, потому что слово Господне обратилось въ поношеніе мнѣ и въ повседневное посмѣяніе. И подумалъ я: не буду я напоминать о Немъ и не буду болѣе говорить Имя Его; но былъ въ сердцѣ моемъ какъ бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и — не могъ» (Іеремія 20, 7-9).

И эта жалоба гиганта достигаетъ высочайшей силы и находитъ ужающія вырженія, далеко превышающія всякія силы человѣческія.

«Господи силъ! Ты испытываешь праведнаго и видишь внутренность и сердце. Да увижу я мщеніе Твое надъ ними, ибо

Тебѣ я вѣрилъ дѣло мое. Пойте Господу, хвалите Господа, ибо Онъ спасетъ душу бѣднаго отъ руки злодѣевъ. Проклятъ день, въ который я родился. День, въ который родила меня мать моя, да не будетъ благословенъ. Проклятъ человекъ, который принесъ вѣсть отцу моему и сказалъ: «у тебя родился сынъ», и тѣмъ очень обрадовалъ его. И да будетъ съ тѣмъ человекомъ, что съ городами, которые разрушилъ Господь и не пожалѣлъ; да услышитъ онъ утромъ вопль и въ полдень рыданіе; за то, что онъ не убилъ меня въ самой утробѣ такъ, чтобы мать моя была мнѣ гробомъ, и чрево ея осталось гнѣчно беременнымъ. Для чего вышелъ я изъ утробы, чтобы видѣть труды и скорби, и чтобы дни мои исчезли въ безславіи» (Иеремія 20, 12-18).

Поистинѣ тяжчайшій жребій — жребій пророческій. И смертная горечь заключена въ видѣніи сокровеннаго. «Кто умножаетъ познаніе, тогъ умножаетъ и скорбь» (Экклезіастъ 1,18). Пророчество, — несомнѣнно, особый и притомъ высшій родъ познанія.

Замѣтить надо еще одну особенность пророческаго духа — это то, что его носители могутъ чрезвычайно различаться по моральной цѣнности — отъ достойнѣйшихъ и святѣйшихъ во главѣ съ Самимъ Господомъ Исусомъ Христомъ — до валаамовой ослицы. Святость есть частое, но не обязательное свойство пророка. Конечно, надо провести, несмотря на это, рѣзкую границу между святыми мужами, избранными сосудами Духа Святаго, «глаголавшаго пророкии» и тѣми, кто «неволю пророчествуетъ». Въ этомъ смыслѣ пророчествовать могутъ въ определенное Богомъ время самыя разнообразныя лица, событія и даже животныя, стихіи и неодушевленные предметы. Это и есть вѣчный символизмъ бытія жизни и творчества, «жизни, какъ символа» — (Leben als Symbol) по выраженію Э.

Дакэ. «Настоящее содержитъ прошедшее и чревато будущимъ» — по блестящему опредѣленію Лейбница. Въ опредѣленные моменты и сроки міровой исторіи, которые удачно именуется религиозными социалистами «кайросомъ» (*καιρος*), — терминомъ взятымъ изъ Новаго Завѣта, — наступаютъ кануны великихъ свершеній, и раздаются пророческіе глаголы. Да и самъ Новый Завѣтъ есть величайшій «кайросъ» міровой драмы. И тогда «камни вопіютъ», и противники воли Божіей дѣлаются невольными исполнителями ея предначертаній. — «Днесъ Каіафа неволю пророчествуетъ». «Днесъ» — это и есть «кайросъ». «Неволя» — знакъ того, что Божія воля сбывается въ символахъ пророческаго кайроса, несмотря ни на какія ухищренія индивидуальнаго своеволия, или, можетъ быть, именно благодаря имъ. Это своеобразно являемый смыслъ актичной «мойры» — судьбы; «мойры» — не въ смыслѣ материалистически - механическаго детерминизма — дурной фантазии, порожденной ограниченностью заворковъ философіи — но въ образѣ символическаго «кайроса» — судебъ Божіихъ неисповѣдимыхъ.

Поэтому неудивительно, что Достоевскій назвалъ явленіе Пушкина пророческимъ (самъ Достоевскій — явленіе еще болѣе пророческое). Неудивительно, что пророчествомъ звучало гениальное лирическое косноязычіе Блока — особенно въ изумительныхъ «Двѣнадцати». Неудивительно, наконецъ, что русская революція и русскій коммунизмъ, несмотря на всѣ ихъ ужасы и мерзости, — суть явленія пророческаго кайроса.

Здѣсь мы и приходимъ къ намѣтившейся развязкѣ русской драмы въ лицѣ триады ея важнѣйшихъ знаменій: къ девятнадцатому вѣку мы видимъ три пророческихъ образа, самыхъ разнообразныхъ качествъ и значеній, — но одинаково, хотя и въ противоположныхъ смыслахъ, воз

вѣщающихъ о наступленіи кайроса. Образы эти — ограниченный русскій революціонеръ позитивистъ, мудрый книжникъ, посланникъ Христовъ (Матѳ. 23,24) Н. Ѳ. Ѳедоровъ, и праведникъ «возсіявшій какъ солнце» (Матѳ. 13,43) — духовносный старецъ преп. Серафимъ Саровскій. Но пророчество объ одномъ — о страшной катастрофѣ, объ одной изъ апокалиптическихъ трубъ и чашъ — о міровомъ кайросѣ, средоточіемъ котораго оказалась русская революція, пророческое явленіе коммунизма и страсотерпчество Русской Церкви. И поразительно, что вѣнецъ русской культуры — русское искусство — главнымъ образомъ, несравненная русская литература, собрала въ себя и показала всѣ три грани мірового кайроса нашего времени — революцію, великое дѣланіе и преображеніе.

О «кайросѣ» пророчествуютъ сейчасъ въ Германіи религиозные соціалисты — но пророчество это оказывается сильно усѣченнымъ и ослабленнымъ литургической безблагодатностью и безвкусицей, почти приближающейся къ жалкому косноязычному мычанію баптистовъ.

Н. Ѳедоровъ гораздо раньше и несравненно лучше поднялъ голосъ за то, что «общее дѣло» литургіи должно быть дѣйствительно осуществлено — за неосуществленіе его на насъ накладывается иго внѣшняго насильственнаго коммунизма. Не захотѣли «камканія» (древній русскій терминъ, означающій причащеніе — отъ латинскаго *communio* одного корня съ коммунизмомъ), — получили «коммунию». «Не слушались отца, матери, — послушались барабанной шкуры». Не захотѣли внять пророческому голосу творца «Философіи общаго дѣла», призывавшему къ дѣйственному участию въ Воскресеніи Христовомъ, къ борьбѣ съ послѣднимъ врагомъ — смертью, къ отверженію самаго страшнаго изъ всѣхъ идолопоклонствъ — поклоненію смерти («смер-

тобожничества») — покарались такой «пляской смерти», такой *danse macabre* на основахъ техническаго прогресса, — которой міръ не видалъ. И такіе-ли еще ужасы впереди!

Наконецъ, Преподобный Серафимъ Саровскій сіяніемъ лика своего и ученіемъ о стяженіи Духа Святаго звалъ къ великому просвѣтленію образа Божія въ человѣкѣ. Не захотѣли послушаться — и вотъ челоуѣчество уже стоитъ у порога расчелоуѣченія и превращенія въ ту «бѣлоголовую бестію» (*blonde Bestie*), о которой говорилъ въ свое время Ницше. Еще черты лица сохранили формальную челоуѣчность выраженія, но не лучи Ѳаворскаго свѣта льются съ современнаго лица, а безпредѣльная, умопомрачительная, обезьянья пошлость; на всякія упоминанія о святости оно можетъ отвѣтить лишь обезьяньими ужимками, которыя многіе готовы счесть тонкой усмѣшкой большого ума.

Всѣ эти пророчества, возникшія изъ нѣдръ русской культуры, показываютъ, что русская земля есть дѣйствительно богоносная и Новый Израиль, ибо въ ней живетъ преемственно духъ Древняго Израіля — Духъ Пророческій; словно Ілія Елисею, бросилъ Древній Израиль Новому свою милоть.

И горе тѣмъ, кто не внемлетъ этому тройному вѣщанію пророческихъ устъ Израіля Новаго.

Эти уста нынѣ запеклись кровью — и на челѣ потъ великой страды, — но тѣмъ сильнѣе жжетъ огонь пророческій.

Прелѣчнымъ ужасомъ объять,
Прекрасный ликъ горитъ любовью.

Но правдой вѣщею звучать

Уста запекшія кровью.

Таковъ образъ русской культуры. Она поистинѣ Гамаюнъ — птица вѣщая.

В. Ильинъ

Мандельэ.

Сентябрь, 1931.